



*Как принято говорить, все имена вымышлены, все совпадения случайны. Но читателю не стоит сомневаться в подлинности мест, некоторых событий и, конечно же, стихов. Автор сердечно благодарит поэтов за возможность публикации их стихотворений на страницах романа: Дмитрия Гасина, Яну-Марию Курмангалину, Григория Медведева, Ольгу Нечаеву, Александра Переверзина, Елену Семёнову, Алексея Тиматкова, Андрея Чемоданова, Лету Югай.*



# ЧАСТЬ ПЕРВАЯ



...И был еще блаженно пуст  
Тот дивный мир, где шли мы рядом.  
*И. Бунин*

# 1.

## ОБЩЕЕ СЕРДЦЕ

Когда Надя лежала на льду Патриаршего пруда, ей казалось, под ней плавают и шевелят хвостами невиданные рыбы, там, внизу, под ледяным заслоном вода вздыхает и продолжает жить. По льду расходились в разные стороны узорные нити трещин, и она почти всерьез ожидала — вот-вот ледяные линии оживут, соединятся в размашистый почерк и можно будет прочесть: «Однажды весной, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина» — наперекор холодному пейзажу вокруг. Потом проявятся строчки: «Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих! Так поражает молния, так поражает финский нож!» — Надя сильно бы удивилась, если бы обошлось без этих слов. Но ледяные узоры остались на своих местах, хотя кто знает — может быть, невидимая человеческому глазу рука начертала те слова там, с обратной стороны льда. Иначе почему она чувствует это проникающее сквозь лед дыхание воды и шевеление рыб?

Иногда ей казалось, Повелитель — лишь прекрасный мираж, случившийся с ней. Завтра они исчезнут, и память начнет укутывать воспоминания о нем — так

поднимается слой земли, постепенно скрывая окна первого этажа старинного особняка. Сначала в комнате пропадает свет, потом земля полностью закрывает оконные проемы, и место, где жили люди, становится темным подвалом. И как знать, сохранится ли память о том, что когда-то здесь были светлые комнаты?..

Спасибо Булгакову! Благодаря ему Надя решила поступать в Литинститут. На школьной экскурсии, посвященной произведениям писателя, она впервые оказалась здесь, навсегда запомнив день, когда впервые увидела эти черные прутья ограды, за которыми ждала — ее жизнь. Ее единственно возможная жизнь. Но тогда Надежда этого еще не знала. Ее классу рассказывали про МАССОЛИТ, Дом Грибоедова, но Надя не слушала, а смотрела сквозь прутья решетки, еще не понимая, но ощущая всей стихией зарождавшейся юной страсти — она отсюда никогда не уйдет.

Выбирает ли человек свою судьбу, или жизнь каждого определяется какой-то неведомой силой? Так или иначе, но именно тогда она выбрала свою жизнь. Время, проведенное в этом доме, Литературном институте — ее драгоценный подарок. Надя всегда помнила, как ее держали эти стены, как прятал читальный зал, какое небо пролетало над Литинститутским двориком — о, это было другое, особенное небо, стоило только зайти за ограду...

После окончания учебы, каждый раз, проходя мимо, она останавливалась, глядя на желтые стены особняка и улыбаясь... Иногда заходила постоять под этим небом, потрогать деревья, посмотреть на теплые окна. Если бы в ее жизни не было Литературного института, Надя не оказалась там, где сейчас. В ее жизни не было бы его — единственного человека, любить которого она начала будто бы задолго до их встречи.

Счастлива ли она? Иногда — безмерно. «Тот, кто любит, должен разделять участь того, кого он любит». О чем это? О милосердии, о страдании, о тяжести земной, о нелегком счастье человеческом. О любви. Что она знает о разделении участи? Надя даже не понимала, а чужла ответ, простой и ясный, как утренний свет. Мир вокруг нее рос, шевелился, дышал. Теперь она точно знала — самое интересное начинается, когда счастье отступает, чтобы потом возвращаться, как океанский прилив, незаметно меняющий береговые контуры...

Могла ли Надя сказать ему, как сильно любит? Есть ли на Земле инструменты, с помощью которых она смогла бы говорить об этом? Слова, фотографии, прикосновения — казались чем-то маленьким и незначительным, но это все, что у нее было. Оставалось лишь надеяться, что Повелитель слышит ее сердце, которого больше нет — есть их общее сердце, и оно стучит и стучит.

## 2. БЫТЬ ПОЭТОМ

Надя поднималась по лестнице в двадцать третью аудиторию, на ходу вытаскивая из-под воротника пальто длинный оранжевый шарф. Она прошла второй этаж, мимо площадки, ведущей к бледно-желтому коридору дневного отделения. Учебный день начинался здесь. Мимо доски объявлений, стеклянной витрины с книгами и публикациями преподавателей

и студентов, миновав ректорат и деканат, студенты шли в нужную аудиторию, иногда замечая следящие за ними ревнивые взгляды классиков, чьи портреты висели вдоль стен. Но сейчас Наде нужно было подниматься выше. Мимо высокого окна, по серым ступеням, не держась за широкий деревянный поручень, лежащий на кованых перилах, она быстро шагала вверх. Там, на последнем этаже, на лестничной площадке находились всего три двери: слева кафедра литературного мастерства, прямо — кафедра новейшей русской литературы, справа — вход в аудиторию. Впрочем, существовала еще и четвертая, невидимая дверь — двадцать третья аудитория была проходной. Через нее, пройдя по паркету, вернее по красным ковровым дорожкам, лежащим между столов, попадали в двадцать четвертую. Это была просторная комната с большим овальным деревянным столом. Вокруг стола и вдоль стен стояли стулья с бордовыми бархатными сиденьями. Стены, обитые деревянными панелями, украшали две широкие горизонтальные вставки в виде темно-коричневой стеганой кожи. На верхней, по периметру вдоль стен, висели хрустальные светильники. Паркет на полу полностью скрывало красное ковровое покрытие. Именно здесь проходило творческое собеседование — последнее испытание после отбора в семинар и вступительных экзаменов, которое преодолевал будущий студент Литературного института. Здесь Надя познакомилась и тут же разругалась в пух и прах с ректором Николаем Сергеевичем Весиным — тот назвал строчку из ее собственного стихотворения образцом дурновкусия, она же яростно защищала свое творение. В итоге разгневанная абитуриентка, нагрубив Весину и хлопнув дверью, выскочила из аудитории. И когда шла через

двор в канцелярию — забирать документы, услышала, как ей вслед с крыльца кричит методист: «Милютина, куда пошла? Ты поступила!»

Надя подошла к двери аудитории и прислушалась к голосам. Она, как обычно, опоздала на полчаса, хотя собиралась прийти вовремя, даже раньше — как-никак сегодня знакомство с новым мастером. Их прежний руководитель Сергей Валентинович Румянцев не смог работать из-за болезни. Неудивительно, в его-то возрасте. Последний год он чаще лежал в больницах, чем приходил на занятия, и в конце концов, не дожидаясь окончания учебного года, их творческий семинар передали Андрею Мстиславовичу Лялину. Известный литературовед пришел в Литинститут сравнительно недавно — на его счету был только один творческий выпуск. И сейчас, если он доведет их семинар до конца, будет незапланированный второй. Ведь ее курсу до диплома осталось всего ничего — пара весенних месяцев и следующий учебный год.

Толком не разобрав из-за двери, что происходит внутри, Надя потянула за ручку и вошла. За столом преподавателя сидел мужчина лет сорока пяти в очках и коричневой рубашке. Надя чуть заметно нахмурилась — она терпеть не могла бородатых мужчин. Заметив вошедшую студентку, Лялин встал и протянул ей руку через стол.

— А вы, должно быть, звезда этого семинара?

— Почему звезда? — Надя ответила на рукопожатие, показавшееся ей знакомым, словно они с ним вот уже много лет здоровались именно так.

— Ну как же! Очевидно, что вас задержали ваши многочисленные поклонники.

— Извините. Я опоздала. — Надя выпустила его ладонь.

— Да, вы опоздали. — Лялин вскинул правую руку, и из-под рукава показался блестящий циферблат на черном ремешке. — На сорок минут!

— На тридцать! — не согласилась Надя.

— Запомните, милая барышня. В аудитории только одни часы идут правильно — это часы преподавателя. Проходите, садитесь.

И новый мастер сел на свое место.

Почему-то потом она будет вспоминать именно это: голос, показавшийся знакомым, глаза цвета глубокого льда, тонкие насмешливые губы, подбородок, на котором борода чуть заметно расходилась в разные стороны, словно пшеничное поле, разделенное ветром. И прикосновения рук — будто именно с этого момента они стали неразделимы.

Надя, немного обидевшись на «милую барышню», села на свое привычное место — в первом ряду, возле стены. На ней, как и на остальных стенах, все свободное пространство занимали плакаты с цитатами классиков и высокие шкафы с книгами. Рядом с дверью в следующую, двадцать четвертую аудиторию — двадцать третья была проходной, стоял стеллаж «Творчество студентов». Надя не знала, случайность это или специальная задумка, но ей казалось очень символичным, что произведения учеников расположены на стене, в которой есть дверь — словно намек на продолжение творческого пути за пределами альма-матер. Здесь же с деревянного пьедестала наблюдал за семинарами и лекциями мраморный бюст Максима Горького, а с краю красовался стенд со старыми фотографиями института, рядом с которыми крупным витиеватым шрифтом была напечатана краткая история его создания. Надя сидела рядом со стендом Горького, его фотографиями, книгами, цитатами. Это соседство

казалось ей уютным, словно здесь она находилась под защитой самого создателя института. Напротив преподавательского стола, ближе к окну, можно было почитать цитаты Достоевского — ее любимого писателя. Возможно, еще и поэтому она любила сидеть именно здесь.

Пропустила Надя, видимо, немного — мастерзнакомился с новым семинаром, однокурсники рассказывали о себе и читали свои «хрестоматийные» стихи. После того как она села и достала блокнот, семинар возобновился. Когда Надя вошла, говорил Вадим Ильин, светлоглазый русоволосый мальчик, чья внешность отличалась от характера так же, как йоркширский терьер от ирландского волкодава.

— Ну что рассказать о себе, я живу один... — продолжил Ильин свою речь, прерванную Надиным появлением.

— Неправда! — встрепенулась Аня Белозерова, длинноногая белокожая брюнетка, которую все звали Асей. — У него в одном городе жена, в том — другая, здесь — подружка.

— Нет ничего зазорного, что молодой мужчина любит женщин. Особенно если он поэт, — поддержал Вадима Андрей Мстиславович, прерывая всеобщее хихиканье. — У писателя должна быть муза!

— Как я уже говорил, я холост, — насупился Вадим, многозначительно посмотрев на Асю, которая как ни в чем не бывало скручивала свои длинные темные волосы в пучок на макушке. Но это ей не удалось, пряди волос, рассыпаясь, падали на плечи, обнаженные глубоким вырезом серебристой кофты. Ася писала неплохие, иногда довольно странные стихи, но больше походила на модель модного журнала, чем на поэтессу. Вадим замолчал, следя за движениями ее